

С тех пор как у Син Ми появился сценический псевдоним, у него выработалась привычка, отличавшая его от других. В отличие от остальных, он не стал называть Ли Сынхёна его псевдонимом Сынъёль. Син Ми поступал так: когда они с Ли Сынхёном были в хороших отношениях, он звал его Ли Сынхён или просто Сынхён, а когда ссорились — выкрикивал Ли Сынъёль. Он считал, что так лучше передавался его гнев: «Я не называю тебя настоящим именем, значит, я очень зол». Примерно такой смысл.

Конечно, гнев был не настоящим, просто их обычная манера дурачиться.

Квон Джиён и остальные тоже это знали. Глядя сейчас, как Син Ми, уставившись на Ли Сынхёна, тыкает в подгоревшую свиную шкуру, и слыша его, как он думал, неслышное для других ворчание, все еле сдерживали смех.

Каждый раз, когда Син Ми так злился, это было забавно — такой уж он был милый. Как этот ребёнок умудряется быть таким серьёзным?

Судя по всему, он и правда собирался это съесть, и тогда Квон Джиён остановил его:

— Эй, ты правда это съешь?

Хотя Син Ми и хотел стукнуть Ли Сынхёна, шкура всё-таки была куплена за деньги, и он намеревался её съесть. Однако оклик Квон Джиёна заставил его замереть с палочками в воздухе.

Теперь на него смотрел весь стол. Обычно это не было бы проблемой, но сегодня за столом сидели и девушки — Пак Бом и другие. Син Ми чувствовал, как у него горят щёки. Как уже говорилось, он и Тон Ёнбэ были парнями, далёкими от любовных дел, а точнее, Син Ми был даже в худшем положении: он почти не общался с девушками, включая Пак Бом. Поэтому сейчас он чувствовал себя неловко, будто его, как и эту шкуру, положили на раскалённый гриль.

Особенно когда Пак Бом улыбнулась ему и сказала Квон Джиёну и остальным:

— Ой, а этот мальчик такой милый!

Син Ми почувствовал себя ещё неловче.

Квон Джиён с отвращением возразил:

— Нет, нуна, так нельзя.

На лице Пак Бом отразилось разочарование.

Тут засмеялись и Ли Чэрин, и Пак Сандара, и даже самая младшая, Минджи.

Син Ми не знал, как реагировать, и лишь глупо улыбался, сам понимая, насколько это выглядело дурацки, но сейчас он не мог выдавить из себя ни слова.

Пак Бом, глядя на Син Ми, и вправду находила его очень милым и симпатичным. Она протянула руку и ущипнула его за щёку:

— Ах, кёва-кёва! Если Джиён когда-нибудь будет тебя обижать, скажи нуне, нуна обязательно заступится. Ну, скажи «нуна».

— Что за... — Квон Джиён, глядя на руку Пак Бом, подумал: «Я сам об этом давно мечтал, но не решался», — и убрал её руку. — Нуна, не учи плохому, ладно?

Парень и так со мной не особо близок, где уж мне его обижать?

Квон Джиён взглянул на Син Ми. Лицо у того было красное-красное, прямо как у Ёнбэ, — невероятно чистосердечный ребёнок.

Но эти покрасневшие уши, розовые щёки, большие глаза и глуповатое выражение лица — да, очень мило.

Син Ми, конечно, не знал, о чём думал Квон Джиён. Весь его разум был занят одним: его щёку ущипнули. Впервые в жизни щёку ему ущипнула девушка, ненамного старше его, не родственница и не Ли Сынхён с компанией. Его чистое юношеское сердце просто остановилось.

Разумеется, по возвращении в общежитие Син Ми стал объектом насмешек Ли Сынхёна и остальных. Они напрямую заявили, что ему с Тон Ёнбэ никогда не найти подруг.

Син Ми подумал: «Подруга? Это ещё рано...»

Конечно, ему тоже было стыдно, но что поделать? Всю жизнь он почти не общался со сверстницами. Не его же в этом вина!

И тогда он, не сдаваясь, ткнул пальцем в самого хохотавшего Ли Сынхёна:

— Эй! Ты-то хорош! Вырастешь ветреником, ха-ха. Ветреные мужики — хуже некуда. — Последнюю фразу Син Ми произнёс с холодным презрением.

Ли Сынхён лишь продолжал смеяться, не обращая на него внимания.

Но Син Ми говорил это совершенно серьёзно. Он считал, что такие ветреные мужчины и впрямь отвратительны.

В этот момент Квон Джиён, тоже смеявшийся, и не подозревал, что позже, вспоминая это полное презрения и серьёзности выражение лица Син Ми, будет горько сожалеть.

Почему он не воспринял эти слова всерьёз?

Да, почему же он не воспринял их всерьёз?

Ведь будущее неведомо никому.

Вернувшись в общежитие, было уже поздно, и после всех этих передраг все разошлись умываться и готовиться ко сну.

Син Ми, глядя на мгновенно уснувшего Ли Сынхёна, улыбнулся. Они только что поругались, но это помогло Син Ми избавиться от последних следов плохого настроения.

Взяв сменную одежду, Син Ми вышел в общую ванную. Свет в гостиной был выключен, кругом стояла темнота. Син Ми, полагаясь на память, ловко обошёл мебель и направился к ванной. Помывшись, он, прижимая одежду, собрался обратно в комнату.

Квон Джиён, открывший дверь, чтобы налить воды, увидел Син Ми, который, прищурившись, по-кошачьи осторожно пробирался в темноте. С коротких мокрых волос ещё капало, на нём была пижама с Дораэмоном — подарок Тэсона. Одним словом, в глазах Квон Джиёна он казался совсем крошечным.

Покачав головой, Квон Джиён щёлкнул выключателем.

Неожиданный свет заставил Син Ми замереть. Он посмотрел в сторону:

— Э-э, Джиён-хён?

— Только что помылся? Почему свет не включил? — нахмурился Квон Джиён.

— Не надо, я и так на ощупь найду дверь, — Син Ми замер на месте, отвечая чинно.

Квон Джиён, бросив на него взгляд, направился на кухню за водой. Увидев, что Син Ми всё ещё стоит, спросил:

— Спать не идёшь?

— А?.. А... — Син Ми замешкался. Он-то думал, что Квон Джиён, выглядевший так серьёзно, сейчас что-то скажет, а оказалось — просто спросил.

Син Ми смутно ощутил неловкость, возникавшую, когда они оставались вдвоём, кивнул и вернулся в комнату.

Услышав, как захлопнулась дверь, Квон Джиён, со стаканом в руке и глотком воды во рту, надолго застыл, уставившись светлыми глазами в ту сторону.

*

На следующее утро шестеро сели в фургон и отправились в компанию.

Син Ми, вышедший последним вслед за Тэсоном, увидел у входа в компанию группу девушек, которые тут же ринулись их окружать. Он инстинктивно отпрянул, а Тэсон настороженно прикрыл его собой, лицо его стало серьёзным.

— Эй! Держись подальше от ТОР-оппы!

— Не смей близко подходить к Джиён-оппе, слышишь?!

Вместе с этими яростными окриками неслись и другие, куда менее лестные слова. Фанатки, преградившие путь, не давали пройти ни вперёд, ни назад. Тэсон, схватив Син Ми за руку, крепко держал его за спиной. Охранники и менеджер у входа сдерживали толпу, не давая им подойти слишком близко. Чхве Сынхён и остальные, уже зашедшие в здание, заметили шум сзади, обернулись и уже собирались подойти, но Бо Хён и другие их остановили — иначе могла возникнуть ещё большая неразбериха.

Син Ми опустил глаза, чувствуя, как сильно Тэсон сжимает его руку. Этот всегда невероятно добродушный старший брат сейчас изо всех сил сдерживал гнев.

Из-за этих слов. Из-за него.

В сердце Син Ми потеплело, и он так же крепко сжал руку Тэсона в ответ. Тэсон слегка повернул голову и увидел, как его понятливый младший брат улыбнулся ему.

«Всё в порядке». Будь у него сейчас возможность говорить, Син Ми, наверное, сказал бы именно это.

Тэсон не знал, что и чувствовать.

Почему, ничего не зная, они могут говорить такие гадости? Син Ми ведь всего лишь ребёнок...

— Эй!! Не кажется, что вы перегибаете палку?! Да вы что вообще знаете?! — раздался голос из

другой группы, состоявшей из девушек постарше. Тэсон и Син Ми обернулись: это были фанатки Seven.

Ещё со времён их стажёрства те часто дежурили у входа в компанию, так что они были знакомы. Услышав эти слова, они не смогли сдержать гнева.

Они всегда очень любили Син Ми — такого послушного ребёнка, которого хотелось забрать к себе младшим братом, — и слушать такие речи в его адрес было невыносимо.

Старшие фанатки, полные решимости, подошли, и постепенно шум, поднятый более юными фанатками, стих.

— Слушайте сюда! Этот ребёнок, да-да, тот, что, по-вашему, соблазняет ваших опп, — ему всего шестнадцать! Возможно, он младше любой из вас! Хватит тащить этого ребёнка в свою грязь!

— Этот ребёнок — мой любимый младший брат, за которым я слежу!

<http://bllate.org/book/15544/1382985>